

Мѣсто выхода ея:

Дата и № 34

12-й сч

Чайка погибла.

Невыносимо тяжело!..

Какъ бы ни замотала васъ жизнь, все же гдѣ-то въ глубинѣ сердца остается уголокъ, прикосновеніе къ которому вдругъ наполняетъ васъ тоскою и печалью. Тяжелое горе сдавливаетъ сердце, что-то щекотаетъ горло и жгучія слезы навертываются на глаза...

— Не надо васъ!—говорить холодный разсудокъ.

Вѣки усиленно моргаютъ, лицо нѣсколько разъ сурово подергивается, и снова на него набѣгаетъ обычная житейская маска.

Но тамъ, въ сердцѣ, въ сознаніи боль еще острѣе, тоска еще рѣзче, дышать еще труднѣе...

Погибла чайка, улетѣла куда-то далеко! Подхватили ее бури злыя, занесли въ пропасти и разѣлины и убили о камни острые и холодные...

— Кому это нужно?—спрашиваетъ смутенное чувство.

Что заставило ѣхать куда-то, въ Ташкентъ, тамъ играть для сартовъ и чиновниковъ? Почему она не съ нами, въ тепломъ, уютномъ театрѣ, среди взволнованныхъ, радостныхъ лицъ, горящихъ преданностью, поклоненіемъ?

Изъ провинціи пріѣхала тонкая, хрупкая, нервная дѣвушка съ чудными глазами и красивымъ, гармоничнымъ голосомъ. Она играла разныя роли—Дикарку, Розу, Магду, Офелію, Соню, Нору, играла въ сказкахъ, въ символическихъ пьесахъ, бытовыхъ...

И звездъ со сцены на зрителя смотрѣли два ослѣпительно - прекрасныхъ глаза, звучалъ одинъ и тотъ же голосъ: то ласково-заданный, то печальный... но всегда съ какой-то глубокой, чуть замѣтной тревогой.

Она иногда пѣла... цыганскія пѣсни... Тогда тревога становилась ярче, тоска проступала яснѣе и трагедія захватывала зрителя. Онъ чувствовалъ:

— Боже, какъ она одинока!

Казалось, что въ холодный, осенній вечеръ въ освѣщенное окно бьется птичка, просится въ комнату... Незавѣстностью, боязнью и жаждою ласки свѣтитъ ей черный глазокъ... Откуда она и куда летитъ?

Коммиссаржевская увѣжала изъ Петербурга дважды. Первая ея поѣздка была сплошнымъ триумфомъ. Она тогда была Роза, Магдой и Дикаркой.

Затѣмъ снова Петербургъ, театръ-бонбоньерка „Пассажъ“, собственный театръ на Офицерской. Затѣмъ ея путь пересѣкаетъ Мейерхольдъ. Черная тѣнь падаетъ на бѣдную чайку. Она бьется, рвется на просторъ, ищетъ новаго пути...

Наконецъ, снова поѣздка по провинціи и снова тяжелая внутренняя борьба, сомнѣніе въ себѣ, въ своихъ силахъ, письмо о прекращеніи сценической дѣятельности, раздумье о драматической школѣ и... смерть, такая неожиданная и грубая...

— Нѣтъ чайки! Мы приходили въ театръ, чтобы послушать, какъ она рассказываетъ свою волшебную сказку.

Она играла всегда просто, естественно и искренно, потому что всегда рассказывала о себѣ и себя. Она не создала множества образовъ, но ея образъ былъ дорожее многихъ созданий сцены.

Коммиссаржевская не плакала на сценѣ. Ея гордая, смѣлая героини увлекали красотой своего духовнаго міра. Слезы безсилія или досады были имъ чужды. Одинокія, рѣшительныя, онѣ не поработали публички, а заставляли ее жить рядомъ съ собою повышенною, стремительною жизнью и уходили куда то въ невѣдомую даль, неудовлетворенныя, ищущія и прекрасныя въ своемъ затаенномъ страданіи.

Такъ ушла отъ насъ и Коммиссаржевская: сразу, вдали, одинокая, заброшенная... и въ то же время такая родная и близкая сердцу, какъ не могутъ быть близкими тысячи сестеръ и братьевъ.

Что-то порвалось... Ушла въ таинственную даль дорогая душа, потухли дивные глаза, умолкъ захватывающій голосъ...

Снова холодъ охватываетъ сердце и сурово сжимаются брови, воспоминанія сбиваются въ одинъ смутанный, тоскливый клубокъ... Онъ заматывается въ глубину души—туда, гдѣ уже лежитъ много такихъ же дорогихъ воспоминаній.

Это—наслѣдство отъ смерти для тѣхъ, кто еще живетъ.